

«Это было, было в Одессе...»

Исполняется 100 лет со дня рождения Марии Александровны Денисовой-Щаденко. Имя и судьба этой женщины достойны воспоминания потомков не только потому, что она могла соперничать со многими красавицами начала века (по счастью, девушки ее круга получали титулы красавиц без участия в модных ныне шоу-конкурсах).

С юности Мария Денисова, учившаяся в одесской гимназии, отличалась самостоятельностью мышления и неординарностью в оценках. Уже тогда она увлекалась искусством, а дом ее сестры был своеобразным салоном, где бывало немало интересных людей. Удивительно ли, что когда по городу расклеили афиши, возвещавшие о турне футуристов, Мария Денисова оказалась среди тех, кто был не только в зале, но и за кулисами театра.

Сестра пригласила молодых поэтов в дом. Мария была годом младше самого молодого из них - Владимира Маяковского. 16 и 19 января 1914 года Маяковский выступал в Одессе в Русском театре. А через день он прощался с Одессой и своей несостоявшейся любовью:

Вошла ты, резкая, как «нате!», муча перчатки замш, Сказала: «Знаете - я выхожу замуж. Что ж, выходите.

Ничего. Покреплюсь. Видите - спокоен как! Как пульс покойника. Помните? Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть», - а я одно видел: вы - Джиоконда, которую надо украсть! И украли.

Страдание неразделенной любви через год выльется в следующие строки:

Вы думаете, это бредит малярия? Это было, было в Одессе «Приду в четыре, - сказала Мария. Восемь Девять Десять.

Так рождалась поэма «Облако в штанах».

Василий Каменский, авиатор и футурист, выступавший вместе с Маяковским в этом турне, впоследствии вспоминал: «Нам надо было ехать в Кишинев, но Маяковский задерживал отъезд. Мы волновались. Дело в том, что Маяковский влюбился здесь в красавицу Марию Александровну и по этому неожиданному случаю «сходил с ума». Он «рвал и метал» и вообще не знал, как быть, что предпринять, куда деться с этой нахлынувшей любовью. Двадцатилетний Маяковский, еще не знавший любви, впервые изведал это громадное чувство, с которым не мог справиться. Бурлюк в лорнет наблюдал за влюбленным другом, развалившимся на диване, тихонько и нежно подсказывал: «Напрасно страдаете. Ничего не выйдет. Из первой любви никогда ничего не выйдет».

Маяковский рычал: «У всех

ничего не выходит, а у меня выйдет».

Бурлюк стоял на своем: «Напрасно страдаете, Владимир Владимирович».

Маяковский потерял покой. Первая праздничность встреч сменилась острой болью тревоги. И мы это видели. И посоветовали Маяковскому ускорить объяснение с Марией Александровной, так как выступления наши в Одессе кончились и нам надо было торопиться в Кишинев.

Развязка пришла. Через несколько дней направились из Кишинева в Николаев, а потом и Киев, Маяковский, сидя в купе и поглядывая в окно, напевал:

Это было, было в Одессе...

А жизнь шла своим чередом. Замужество Марии Александровны оказалось несчастливым. Спокойная размеренная жизнь жены инженера, рождение дочери, заботы о доме - этого было мало резкой, как «нате!». Ее собственное «я» рвалось из мира пеленок и чаепитий. Расставшись с мужем и передав под опеку подрастающую дочь, Мария Александровна ушла в революцию.

Она вошла в революцию и гражданскую войну вместе с теми, кто сражался в Первой конной дивизии. Была тяжело ранена и контужена, перенесла тиф и тяжелое нервное заболевание. Тогда же она стала женой Е.А.Щаденко, члена РВС 1-й Конной армии.

Когда правительство переехало из Петрограда в Москву, супруги поселились в гостинице «Националь».

Артем Федорович Сергеев рассказывал, как, живя в «Национале», где на шестом этаже обитали Фрунзе, Хмельницкий, Нурмаков, Шергиев, он видел в холле гостиницы выставленные скульптурные работы Денисовой-Щаденко.

Она серьезно увлекалась в эти годы скульптурой, лепила портреты военачальников, сделала и автопортрет с дочерью, назвав его «Материнство». Так обозначена эта работа в каталоге выставки в Италии, где автопортрет был представлен в числе других ее работ.

Владимир Маяковский, поселившийся в это время в «комнатенке-лодочке» на Лубянке, бывал в «Национале», читал свои стихи и поэму «Облако в штанах». Их знакомство возобновилось, но каждый уже обитал в своем мире: она жила в кругу высшей военной элиты, находила выход творческой энергии в скульптуре; он жил с Бриками в постоянном поэтическом творчестве.

...Как свидетельствуют современники, два дня не выходила Мария Александровна из своей комнаты, узнав о самоубийстве Маяковского, была на его похоронах. Говорила, что многое вспоминала, о многом передумала в эти дни.

Жила она в «Доме на набережной», много лепила, но старая контузия и трудные тридцатые не прошли бесследно. Началось тяжелое психическое

расстройство. Она ушла из жизни трагически, когда ей было только 50...

Мне довелось бывать в ее доме, когда дочь и внучка «сидели на чемоданах» перед отъездом в Великобританию. Помню большие высокие комнаты, полукруглый огромный балкон, где в углу валялась какая-то подставка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся мраморным бюстом Ленина, сделанным в 1924 году, там

же стояли остатки скульптуры «Колхозница», сделанной из бетона. Я просила передать в музей Маяковского какие-нибудь вещи Марии Александровны, фотографии, письма, зарисовки, наброски. Кроме скульптурного автопортрета и маленького каталога итальянской выставки найти ничего не удалось.

«Мы хотели установить этот мраморный бюст на могиле матери в Новодевичьем, но отъезд помешал нам это сделать. Пока можем передать его временно в музей, но в первый же приезд в Москву мы его заберем», - так сказала мне дочь Марии Александровны.

Минуло почти десять лет. Бывая на Новодевичьем у некрополя семьи Маяковских, я попыталась найти могилу Денисовой-Щаденко, а найдя, пережила чувство стыда и горечи: холмик почти зарос травой, надпись стерлась. Тогда и возникла идея установить бюст на могиле, выполнив волю близких. Проект надгробья исполнил заведующий отделом экспозиции музея А.П.Аксенкин. Если бы не банк «Солидарность», финансировавший работы, музей вряд ли осилил бы это благое дело. Банк выделил 3 миллиона рублей на приобретение и обработку постаментов, а кооператив «Газган» бесплатно выполнил все необходимые работы по установке надгробья на Новодевичьем кладбище.

К 100-летию со дня рождения и 50-летию трагической кончины Марии Александровны Денисовой-Щаденко могила ее приведена в порядок, и долг памяти возвращен потомками той, кто вдохновил поэта на бессмертные строки.

С. СТРИЖНЕВА,

директор Государственного музея В.В.Маяковского.
Фото Н.МАЛЫШЕВОЙ.